

ИСТОРИЯ КАК КОМПОНЕНТ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ПОЛЕМИКИ БРИТАНИИ 1750-1770-Х ГГ.

Изучение истории исторического знания на протяжении последних десяти-пятнадцати лет вышло за границы исследования историописания, представлений того или иного автора об истории, методов, целей и задач ее изложения и т.д. Был поставлен вопрос как, о так сказать, «физической» судьбе рукописи автора – ее публикации, распространении, формировании библиотек; так и «духовной», интеллектуальной жизни текста – понимании и осознании его читателем, ретрансляции прочитанного, либо собственном осмыслении прошлого. Сотрудниками Центра истории исторического знания Института всеобщей истории РАН¹ и в другими исследователями успешно разрабатывается более широкий подход; в их работах на конкретном материале изучен отклик читателей, судьба рукописей и их издание. Таким образом, обозначилась тенденция к расширенному, разноплановому изучению истории исторического знания, немаловажное место в котором заняла и проблема его значимости в политических дискуссиях².

¹ См., например, *Марина Бобкова*. Историческое знание в Западной Европе раннего Нового времени. Историографическая революция эпохи катастроф. Монография. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 529 С.; *Бобкова М.С., Мереминский С.Г.* (отв.ред.). Терминология исторической науки. Историописание. М., 2008.; *Мереминский С.Г.* (отв.ред.) *Формы и способы презентации времени в истории*. М., 2009; *Айзенштат М.П.* (отв. ред.) *Историческое знание и познавательные практики переходных периодов всемирной истории*. М., 2012; и др.

² *Айзенштат М.П.* (отв. ред.) *Исторический факт как аргумент политической полемики*. М., 2011.

Среди проблем такого расширенного изучения истории исторического знания источники периода Новой истории позволяют более подробно остановиться на теме осознания истории и ретрансляции собственных представлений.

В XVIII столетии в наиболее полной мере и то, и другое проявилось в политической полемике. Эти дискуссии велись на страницах журналов и в памфлетах, в редких предвыборных столкновениях кандидатов, наконец, в стенах парламента в ходе парламентских дебатов. На протяжении столетия двор терял свои политические функции, а парламент постепенно превращался в средоточие политической жизни королевства. При этом, история, прошлое в парламентской практике занимали важное место в силу существования прецедентного права и роли традиционализма в жизни британского общества. Именно они предопределяли необходимость знания истории членами парламента, особенно наиболее честолюбивыми политическими и государственными деятелями, которые стремились выдвинуться на государственном поприще. Обращение к парламентской дискуссии позволяет выявить представления о прошлом довольно однородного социального слоя – дворянства, на тот момент наиболее образованной части общества. Выходцы из дворянских семей составляли подавляющее большинство в обеих палатах. Таким образом, они являются своего рода репрезентативной группой³. А анализ высказываний членов такой группы дает возможность изучения взглядов на историю на повседневном уровне в конкретные периоды истории страны.

Пolemика, которая велась в стенах обеих палат в XVIII в., представлена в «Парламентской истории Ан-

³ О проблеме источников для изучения представлений о прошлом различных социальных групп см.: *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Обыденные представления о прошлом: эмпирический анализ / Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. М., 2008. С.77-99.

глии»⁴. Ее отзвуки можно встретить в дневниках, переписке, мемуарах участников. Но именно дискуссию тех лет в наиболее полном объеме представляет только «История», хотя и вторичный по своему характеру источник. Дебаты были реконструированы по журналам палат, сохранившимся материалам современников, по прессе, и опубликованы в начале XIX в. Несмотря на вторичность издания и неизбежные лакуны, «Парламентская история» сохраняет свое значение для исследования эпохи. Она предоставляет возможность изучения не только политической истории, законотворческой деятельности депутатов, но и ознакомления с духом эпохи, настроениями и взглядами определенной социальной группы, заседавшей в парламенте. В том числе их видение прошлого и того места, которое оно занимало в дискуссиях, протекавших в парламенте. Ранее проведенный автором настоящей статьи анализ дебатов середины века оказался успешным⁵. Были выявлены любопытные подробности, важные как для исследования истории исторического знания, так и для изучения политической истории.

Среди наиболее значимых особенностей исторических взглядов парламентариев в 50-е гг. XVIII в. необходимо отметить отношение к событиям середины XVII столетия. Его с полным основанием можно характеризовать как очень осторожное, что напрямую было связано с парадоксальной политической ситуацией. Государственно-политический режим Британии XVIII в. был установлен в результате Славной революции, когда, по сути, произошел дворцовый переворот, и был принят Билль о правах. Сомнения в праве свержения «плохого

⁴ The Parliamentary history of England from the earlist period to the year 1803. L.(Далее – PH)

⁵ *Айзенштат М.П.* Прошлое как компонент парламентской полемики / Исторический факт как аргумент политической полемики. С.137-149; *Она же.* Политика и история в Британии в середине XVIII в. / Британская ойкумена российской новистики. Казань, 2010. С.121-128.

монарха» с трона ставили под угрозу сложившуюся систему разделения властных полномочий и статуса парламента. В то же время немислимым представлялось и оправдание бунта подданных и последовавшей казни короля. В связи с этим отдельные упоминания становились своего рода предостережением, намеком на возможные трагические последствия неверных решений. Имя короля Карла I практически не упоминалось.

Далее, это – схематичное, упрощенное представление об истории страны. Завоеванием германских племен объяснялось формирование социальной структуры и социальных связей, статуса отдельного человека; всей системы землепользования. Дворянство и фригольдеры рассматривались прямыми потомками завоевателей, а остальные жители королевства – прямыми потомками местного населения. По сути, подобная точка зрения являла собой отрицание развития общества.

Не менее важными оказались выявленные подробности политической жизни королевства. К ним следует отнести, прежде всего, нарушение закона о выборах. Избрание не двух, как это утвердилось в парламентской практике с XIV в., а более «рыцарей» от графств, несмотря на предусмотренные суровые наказания. Хотя и редкие, единичные решения шерифов свидетельствовали о нарастающих на местах политических разногласий со времени восшествия Вильгельма Оранского. Таким образом, можно утверждать, что политическое размежевание после Славной революции принимало и такие необычные формы.

Полемика по результатам выборов в графстве Оксфорд позволила выявить и другое нарушение. А именно, допуск к выборам копигольдеров при наличии цензового для фригольдеров дохода. Дискуссия показала, что они повсеместно участвовали в выборах в Уэльсе и в некоторых других графствах Англии. Тогда как право избирать в парламент копигольдеры получили лишь благодаря первой парламентской реформе, проведенной в 1832 г.

Анализ дебатов 1770-х годов дает возможность провести сравнительный анализ, обозначить те общие и

отличительные черты, а также динамику обращения к прошлому в парламентской полемике.

1750-е гг. – время относительно стабильное с точки зрения внутривластной истории страны. 1770-е годы существенно отличаются от них. Начало промышленной революции и сопутствующих ей перемен социального и политического характера, отзвуки дела Д. Уилкса, зарождение радикального движения, нарастание напряжения в отношениях с американскими колонистами и начало войны с ними⁶. Схематично упомянуты только наиболее важные события нового десятилетия. И апелляция к истории в стенах парламента явилась как отражением, так и проявлением этих событий и изменений в жизни страны. Прежде всего, обратим внимание на объем опубликованных материалов дебатов⁷. На этом увеличении освещения хода дебатов сказались, на наш взгляд, близость ко времени издания самих томов, которая обеспечила более подробную информацию. Существенную роль сыграло противостояние парламента и лондонского Сити. Его результатом стал доступ журналистов на заседания парламента и возможность публиковать отчеты о них в газетах. Но решающую роль сыграли длительные дебаты, посвященные ситуации в Америке, подготовке к войне и началу военных действий.

Характерным отличием стало также и упоминание статутов прежних правителей. В середине столетия оно было частым и довольно подробным, порой звучал их длинный перечень. В 1770-е годы такие упоминания

⁶ Подробнее о политической ситуации обоих десятилетий см.: *Айзенштат М.П.* Британия нового времени. Политическая история М., 2007; *Она же.* Власть и общество Британии 1750-1850 гг. М., 2009; *Семенов С.Б.* Радикальное движение и борьба за парламентскую реформу в Англии во второй половине XVIII века. Самара, 2008.

⁷ РН, v. 14. 1747-1753. L., 1813; v.15. 1753-1765. L., 1813; v. 16. 1765-1771. L., 1813; v.17. 1771-1774. L., 1813; v.18. 1774-1777; v.19. 1777-1778. L., 1814; v.20. 1778-1780. L., 1814.

существенно сократились. Это можно объяснить, в первую очередь, проявлением изменений в жизни общества: появились дела, которые не имели прецедента. Среди них: индийский билль, разрешение иностранцам вкладывать деньги в вест-индские плантации, бостонское чаепитие. Не имел аналогов и вопрос о литературной собственности (авторского права). Издательское дело расширилось, владельцы типографий печатали книги без ведома авторов и не выплачивали им гонораров. В силу этого – парламентариям приходилось ссылаться уже не на столь отдаленное прошлое, как прежде. Все реже звучали ссылки на законы, принятые ранее правления Елизаветы I. Чаще всего встречается обращение к временам правления первых Стюартов – т.е. первой половине XVII в.⁸

Важным отличием стало отсутствие прежнего единодушия в палатах. 1750-е гг. – время безраздельного правления вигов. Из-за того, что тори потеряли своего покровителя наследника престола принца Фридриха, налицо была слабость оппозиции. В 1770-е гг. складывалась иная ситуация, когда монарх отстранил вигов от власти. Однако оппозиция окрепла. Именно представители вигов чаще прибегали к примерам из прошлого. Наиболее характерна такая апелляция для Э. Берка. Пожалуй, можно утверждать, что фраза «обратимся к истории прежних времен» являлась характерной для духа его выступлений⁹. Ч. Фокс использовал в своих речах примеры из истории реже, скорее даже эпизодически. В этом сказывался не столько уровень образования, знаний, сколько склонность Берка к размышлениям, анализу происходивших событий.

Расширилась география упоминаемых исторических событий. Приводились примеры из истории Рима и Афин; раннего Нового времени Франции, Испании, Австрии, Шве-

⁸ См., например: РН, v. 18. P.1144, 1146, 1207,1210, 1216, 1221; v. 19. P. 82-86, 111-115, 125-126, 300-302; v. 20. P. 60, 69, etc.

⁹ См., например: РН, v. 18. P. 1154.

ции, Нидерландов, Китая. Из упоминаемых античных историков кроме Тацита – звучали имена Ливия и Фукидид¹⁰.

Какую роль играла история в парламентской полемике? Прежде всего, ей отводились назидательные функции. История выступала в роли ментора, учителя. Неоднократно звучали слова: «история учит». В наиболее спорных, либо сложных ситуациях могли раздаваться такие слова: «пусть этот пример станет для нас уроком»¹¹.

Обращение к истории служило для подкрепления собственной позиции. «Наша история – это компендиум прецедентов», говорил Уильям Мередит¹². И действительно, прошлое предоставляло аргументы для всех противоборствующих сторон: Так, законность исключения Д.Уилкса из числа членов парламента сторонники правительства обосновывали подобными примерами. Они утверждали, что такие же действия властей в прошлом не спровоцировали «беспокойства» народа, и не привели к волнениям. А глава кабинета Лорд Норт ссылался на прецеденты наказаний городов при обсуждении ситуации с мятежным Бостоном и др.¹³.

Наконец, хотелось бы обратить внимание на нередкое упоминание ошибок правителей прежних времен. Такие упоминания становились своего рода предостережением от неверного (по мнению оратора) шага. Когда обсуждался вопрос об аресте олдерменов лондонского Сити, было сказано, буквально, следующее. Яков II отправил в тюрьму 7 епископов и результат не замедлил сказаться, а именно - заключенные стали героями. При этом ораторы ссылались не только на действия правителей Британии, но и монархов других стран¹⁴.

¹⁰ См., например: РН, v. 18. P. 886, 1032, 1049, 1061, 1073, 1169; v.19. P. 29, 37, 119, 203, 489, 528; v. 20. P. 4-5, etc.

¹¹ См., например: РН, v. 16. P.651; v. 18. 1154.

¹² См., например: РН, v. 17. P. 30.

¹³ См., например: РН, v. 16, p 814; v. 18 P. 1180, 1148; v. 19. P. 77, 203.

¹⁴ См., например,; РН, v. 17. P. 134; v. 18. P. 1036.

Естественно, история Британии превалировала в речах членов депутатского корпуса. Главными действующими лицами прошлого выступали парламент, народ и монархи.

Понятие «народ» не раскрывалось ни в одной из речей в 1770-е гг. Хотя в десятилетие середины века также не встречалось подробного перечисления тех социальных групп и их характеристик, которые бы дали возможность понять представления парламентариев о народе. Тем не менее, дискуссия о копигольдерах показала, что для определенной части парламентского корпуса народ являл собой потомков местных завоеванных жителей Альбиона.

Парламент на протяжении своей истории обычно характеризовался как защитник прав народа, выступавший против власти короны. На протяжении веков он стоял на страже свободы личности и свободы собственности, безопасности и порядка, и т.д.¹⁵ В истории парламента обычно выделялись акты конституционного характера – Великая Хартия Вольностей и Билль о правах, упоминалась также Петиция о праве.

При этом неизменно сохранялись представления прошедших лет, а среди них особое место заняло утверждение о ежегодных выборах в парламент. Этот тезис был обусловлен своеобразным толкованием ранней истории Англии. Наиболее ярким и регулярным изложением такой истории стали выступления олддермена Соубриджа.

Суть его речей сводилась к следующим положениям. Конституцию впервые ввели саксы. А они ежегодно избирали офицеров. Законы и традиции саксов сохранились при установлении монархии и просуществовали вплоть до норманнского завоевания. Тогда и был нанесен удар по «нашей превосходной конституции»; «законную, равноправную и свободную форму управления сменила монархическая тирания». Гражданское право сменило право обычное. С этого времени все смешалось, народ воевал с королями, не доверяя им. Это

¹⁵ РН, v. 17. P. 30; v. 18. P.1015; v. 19. P. 498; etc.

продолжалось до тех пор, пока не заставили Иоанна Безземельного подписать Великую хартию. Преемник Иоанна восстановил парламент. Однако истинный парламент появился при Эдуарде III. Эдуард постановил, что парламент должен собираться ежегодно, а если необходимо, то и чаще. На протяжении его 50-летнего правления было 44 парламента – отсюда Соубриджем и делался вывод, что сроки полномочий парламента не превышали одного года. И так велось вплоть до Генриха VIII.

Генрих VIII был тираном, и даже некоторое время правил без парламента, а когда собрал его, то намеревался полностью подчинить своей воле. Этот парламент просуществовал 7 лет до тех пор, пока сами его члены не обратились к королю с петицией, где содержалась просьба о роспуске.

Следующим длительным по времени был Долгий парламент. Однако оратор заявил, что не берется ни осуждать, ни защищать противостояние сторон тех дней, избегая тем самым необходимости высказать оценку произошедших драматических событий

Далее. Реставрация возвратила к жизни парламент, но при Карле II начался подкуп коммонеров. Для того, чтобы покончить с коррупцией после Революции (Славной) принят трехгодичный акт. Он был принят, не смотря на позицию монарха – Вильгельма Оранского. Вильгельм считал, что такие частые выборы обременительны для казны из-за расходов, которые с ними связаны. В 1716 г. через 2 года после восшествия Ганноверов введен 7-летний срок полномочий парламента. Оратор оправдывал эту меру: время было «тревожное» из-за свергнутых, но пытавшихся вернуться на трон Стюартов. По сей день, утверждал Соубридж, в парламенте процветает коррупция. Коммонеры рассматривают себя не представителями народа, а лицами, которые получили собственность и выгодно сдали ее в аренду¹⁶.

Эти идеи Соубридж высказывал ежегодно, каждый раз иницилируя сокращение сроков полномочий

¹⁶ РН, v. 17. P. 322-325.

парламента¹⁷, но уже более коротко. Тем не менее, осуждение продажности, коррупции, или как он говорил «сервильности» парламента, звучало настойчиво. Таким образом, наблюдается явное противоречие в оценке исторической роли парламента. Противоположные точки зрения не связаны напрямую с принадлежностью оратора к партии вигов или тори. И те и другие в разное время на протяжении века выступали с предложением отдельных частичных реформ наиболее вопиющих недостатков системы представительства, которая сложилась в XIV в. И на протяжении столетий не менялась. Соубридж выступал скорее, как крайний виг.

Все монархи вплоть до восшествия на престол Вильгельма Оранского характеризовались как деспоты, т.е. неограниченные правители¹⁸. Вильгельм Оранский представал «великим человеком, который восстановил свободу в Британии». С его именем связана «Великая революция, принесящая эру свободы, счастья Британии, наконец – «он принес честь имени англичанина»¹⁹. И в высказываниях об этом монархе мы видим те черты, которыми должен обладать идеальный король, «превосходный суверен» - это тот, чьи интересы не расходятся с интересами подданных, а также тот, кто честен с ними.

В противоположность Вильгельму о Стюартах обычно упоминалось в иных тонах, как королях-деспотах. В их политике видели истоки причин обеих революций: они слишком полагались на министров, а в своей деятельности не прислушивались к голосу народа. Если бы они почаще, и более внимательно вчитывались в Великую хартию вольностей и Петицию о праве, то Славная революция «осталась лишь теорией»²⁰, иными словами – она бы не

¹⁷ РН, v.17. P. 691, 1050-1051; v. 18. P. 216-217.

¹⁸ РН, v/ 16. P. 971; v. 17. P. 1018.

¹⁹ РН, v. 16. P. 971, 973; v. 17. P. 1055, 1018; v. 18. P. 290; v. 19. P. 190.

²⁰ РН, v. 16. P. 748.

понадобилась. Именно пренебрежение правами народа и объяснялись причины революции.

Однако король имя, которого упоминалось чаще всех других, это Карл I, нередко именовавшийся как «несчастный король»²¹. Поистине поразительным стало также то, что наиболее часто упоминаемым событием прошлого стала революция середины XVII в. Обращение к ней происходило в контексте упоминаний ошибок власти. Уже в январе 1770 г. Э. Берк довольно резко реагировал на заверения властей в том, что в обществе отсутствует недовольство по поводу Миддлсекских выборов. Берк утверждал: «Министры несчастного Карла I рассказывали те же сказки, что мы слышим сейчас, сегодня прибегают к тому же искусству обмана». Эта фатальная ложь сопутствовала Карлу вплоть до его смертного часа²². Не только в палате общин, но и в верхней палате решение в пользу Лутреля, несмотря на убедительную победу Уилкса на выборах, сравнивалось с событиями правления Карла. Лорд Кэмден упоминал корабельные сборы (которые вызвали негодование в народе). Он восклицал: тогда также говорили, что власть действует законно, но парламент отменил их позднее как незаконный сбор²³.

Полковник Барэ при рассмотрении дела газетчиков тоже упомянул «насилие» Карла I, когда он лично вошел в палату, с тем чтобы арестовать 5 ее членов. Этот поступок не имел прецедента. Одним ударом, как Калигула, можно разрушить конституцию, можно отравить в свою Бастилию всех кто защищает свободу нашей страны. Но напрасно надеяться при этом, говорил он, что насилием и террором можно погасить древний огонь свободы острова²⁴.

²¹ РН, v. 16. P. 721.

²² РН, v. 16. P. 721.

²³ РН, v. 16. P. 963.

²⁴ РН, v. 17. P. 152.

Обращение к событиям английской буржуазной революции напрямую было связано с непродуманными шагами правительства в отношении американских колоний. По мере нарастания противостояния метрополии и колоний усиливалось политическое размежевание, сказавшееся в оценке политики метрополии. Так, Т. Тауншенд утверждал, что те, кто поднял оружие против короля, действовали безупречно, более того, они заслуживают похвалы²⁵. Р. Ньюдигейт в ответ заявлял, что сам он не является сторонником, защитником каждого акта Карла. Но ни один историк, каковы бы ни были его дарования, не будет защищать тех, кто выступил против Карла I. Один такой попытался, но не добился, ни успеха, ни признаний, т.к. его взгляды не согласуются, ни с религией, ни с правлением²⁶. В этой связи любопытна небольшая дискуссия, отразившая реакцию на информацию о службе 30 января в память о Карле I. Фольстоун признавал, что революция разрушала традиции, но при этом она восстанавливала права англичан²⁷. Более решительно высказался Д. Уилкс. По его мнению, день казни короля надо праздновать как день триумфа. Смерть **первого** Карла (таким образом, он нарушил формулу произнесение имени короля) – это смерть врага свобод страны, который начал войну со своим народом, и был повинен в смерти тысяч ни в чем неповинных подданных. Тиран был повержен. И революция должна оставаться в памяти как самое славное деяние, которое когда-либо происходило в нашей, или другой стране; без революции мы бы не имели конституции и превратились бы в рабов; не имели бы законов ограниченной монархии, а были бы подданными, и находились в полной воле суверена²⁸. По сути, Д. Уилкс высказал радикальный взгляд на историю середины

²⁵ РН, v. 17. P. 315.

²⁶ РН, v. 17. P. 316.

²⁷ РН, v. 18. P. 183.

²⁸ РН, v. 18. P. 183-184/

XVII столетия еще до известных сочинений радикальных историков К. Макколей и У. Годвина

По мере развития событий и дальнейшего обострения ситуации с американскими колонистами возрастал мотив сравнения событий кануна Английской, либо Славной революций, настроений колонистов и подданных Карла I. В нижней палате Джонстон утверждал: теперь ясно, что народ Америки преисполнен тем же настроением и решительным духом, и побуждаем тем же энтузиазмом, с которым наши предки восстали против требований короны в дни правления Карла I и встали на защиту высоких доктрин парламентского превосходства. В противном случае американцев ждет сокращение их свобод до уровня свобод жителей владений Франции или Испании²⁹.

Таким образом, возрастало число упоминаний английской революции, прежде всего, это проявилось во вновь и вновь повторявшихся сравнений обложение налогом на чай колонистов с корабельными сборами, которые ввел Карл I³⁰. Между тем, симпатии в высказываниях парламентариев были скорее исключением, нежели правилом. Таким исключением стали слова лорда Чатама о конгрессе. Он отозвался о нем, как о более широком и более благоразумном собрании, чем существовали во времени Древней Греции. Во всей древней истории, сказал он, мы не встретим более благородных собраний как конгрессы американцев³¹.

Либеральное крыло обеих палат призывало кабинет, а через него и монарха, к благоразумию. Так, Д. Уилкс утверждал, что обращения, поступающие из Америки, заслуживают особого внимания, и прежде всего, лозунг «нет представительства - нет налогов». Если политика Лондона не будет взвешенной, то впоследствии американцы станут праздновать 1775 год, как мы

²⁹ РН, v. 18. P. 60.

³⁰ РН, v. 17. P.1203, 1211

³¹ РН, v. 18. P. 1570.

празднуем 1688 г. Усилия дедов в борьбе за свободу увенчались успехом. И период нашей истории, который наполняет нас гордостью, был восстанием против беззаконной власти и основан на законах божьих и людских: праве сопротивления тирану³².

Аргументы, как сторонников правительства, так и оппозиции, пытавшейся предотвратить «силовой вариант» решения вопроса, не ограничивались только аналогиями с революциями XVII в. Вопросы, так или иначе связанные с положением дел в колониях, неизбежно вызвали апелляцию к прошлому, причем форма таких обращений была различной. Ораторы прибегали к легендам, мифам³³, когда возникал образ отца и сына и отец поступал несправедливо.

Сторонники «наказания» колонистов обращались к событиям истории Рима: тогда неоднократно звучала известная фраза: «Карфаген должен быть разрушен»³⁴. Депутаты, отстаивавшие умеренную политику, прибегали к сравнениям с «разумными», отличавшимся здравым смыслом поступками правителей прошлых лет³⁵. Все эти обращения к историческому опыту явились следствием нарастания политического противостояния в самой метрополии. Особенно провоцировало такие обращения, рассмотрения вопросов, связанных, так или иначе, с подготовкой к войне: и, прежде всего, увеличение ассигнований на армию и флот.

С началом военных действий прошлое не потеряло своей актуальности. Но каждое упоминание тех или иных событий английской истории, либо истории других стран напрямую были связаны с рассматриваемыми вопросами в обеих палатах. Именно исторический опыт служил подкреплением позиции оратора³⁶. В этой связи

³² РН, v. 18. P. 238-239. См. также: P. 254.

³³ РН, v.18. P. 191, 306, 309, 341,343, 348, 349, 894-895.

³⁴ РН, v. 18. P. 311, 347.

³⁵ РН, v. 18. P. 229.

³⁶ См., например: РН, v. 19. P. 77, 111, 203, 298, etc.

уместным представляется упоминание высказывания Тауншенда, одного из оппонентов политики правительства. Говоря о военных действиях в Америке, Тауншенд привел в пример поход Кромвеля в Ирландию и жестокость протектора. Но он, заявил оратор, разрушил лишь один город для завоевания всего королевства³⁷.

Основываясь на отдельных высказываниях, сохранившихся в парламентской истории, и в силу вторичности источника, хотелось бы не столько сделать выводы, сколько акцентировать внимание на наиболее важных моментах:

- Обширность и глубина знания истории членами парламента являлись результатом изучения латинского и древнегреческого языков, значительную роль играло самообразование. Необходимо учитывать образ жизни и традиции дворянских семей, когда ребенок практически с рождения окунался в атмосферу прошлого: дом и имение, передававшиеся по наследству, хранившиеся портреты предков, фамильный архив и библиотека, собиравшиеся порой веками и т.д. Немаловажное значение имели также и вошедшие в практику путешествия по Европе для завершения университетского курса;

- в высказываниях членов парламента в ходе полемики четко обозначилось представление об истории страны: это история народа, боровшегося за свои права, парламента и монархов. Вместе с тем, «народ» представлял собой довольно абстрактную субстанцию. Но можно с уверенностью говорить о причислении к «народу» свободных собственников земли, о чем свидетельствует подчеркивание защиты парламентом его прав и собственности;

- нельзя не обратить внимание на обозначившиеся элементы развития, (по сравнению с 1750-ми годами), в политической лексике появляются такие термины, как «период», различные «эры» истории. Важным представляется то, что эти этапы напрямую связаны не просто со

³⁷ РН, v.20. P. 30.

сменой монарха или монархов, а сменой характера и образа правления;

- заметно усиливается политическая окраска апелляции к прошлому по сравнению с серединой XVIII в.; спектр оценок исторических событий свидетельствует об углублении политического размежевания тори и вигов, обозначении также и радикальной позиции. Вместе с тем, дискуссий на исторические темы не возникало;

- факты или события истории Британии, реже других стран, занимали особое место в полемике парламентариев. В системе доводов ораторов, отстаивавших собственную позицию по любому вопросу, ссылка на такие факты либо события носила характер неоспоримого, окончательного аргумента. Что говорило об усилении роли истории, как учителя, указывающего «верный путь»;

- необходимо также особо выделить возрастание упоминаний об Английской революции. Проводившаяся аналогия событий – корабельные сборы Карла I в прошлом и лозунг колонистов «нет представительства – нет налогов» - очевидна, она лежит на поверхности. В данном вопросе важно не только то, что оппозиция оказывала более массивное давление на правительство с тем, чтобы предотвратить войну с колонистами. Параллели становятся дополнительным весомым аргументом, а то и угрозой возможных последствий. Но нельзя исключать и осмысление событий середины XVII в., когда через опыт прошлого политики стремились определить причины тех или иных событий, выявить образ «хорошего» монарха, что напрямую было связано с современностью, с характером и личностными чертами Георга III и его правления.

Запись доклада и его обсуждение доступны по ссылке: <http://www.worldhist.ru/News/384/9054/>

Библиография

- The Parliamentary history of England. L., 1813-1814, v. 15-20.
Айзенштат М.П. Власть и общество Британии 1750-1850 гг. М., 2009.
- Айзенштат М.П.* Политика и история в Британии в середине XVIII в./ Британская ойкумена российской новистики. Казань, 2010. С.121-128.
- Айзенштат М.П.* Прошлое как компонент парламентской полемики. / Исторический факт как аргумент политической полемики. С.137-149.
- Айзенштат М.П.* Британия нового времени. Политическая история М., 2007.
- Айзенштат М.П.* (отв. ред.) Историческое знание и познавательные практики переходных периодов всемирной истории. М., 2012.
- Айзенштат М.П.* (отв. ред.) Исторический факт как аргумент политической полемики. М., 2011.
- Марина Бобкова.* Историческое знание в Западной Европе раннего Нового времени. Историографическая революция эпохи катастроф. Монография. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 529 С.
- Бобкова М.С., Мереминский С.Г.* (отв.ред.). Терминология исторической науки. Историописание. М.,2008.;
- Мереминский С.Г.* (отв.ред.) Формы и способы презентации времени в истории. М., 2009;
- Савельева И.М., Полетаев А.В.* Обыденные представления о прошлом: эмпирический анализ / Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. М., 2008. С.77-99.
- Семенов С.Б.* Радикальное движение и борьба за парламентскую реформу в Англии во второй половине XVIII века. Самара, 2008.